

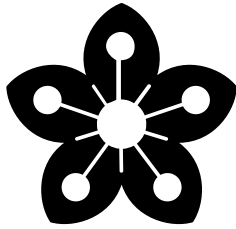
КИМ ИРЁН

ЛЮБОВЬ
КОРОЛЯ

ТОМ 2

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

КИМ ИРЁН

ЛЮБОВЬ
КОРОЛЯ

ТОМ 2

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
К40

THE KING IN LOVE

Kim Yi Ryoung

왕은 사랑한다 2 The King is in Love Vol 2

Copyright © 2011, 2017 김이령 (Kim Yi Ryoung)
Originally published by Paranmedia

Russian Translation Copyright © 2025 by EKSMO
Russian edition is published by arrangement with Paranmedia,
through BC Agency, Seoul

Перевод с корейского А. Кисляк

Художественное оформление А. Андреева

Иллюстрация на переплете Naoki dead (Серикова Алеся)

Ким, Ирён.

К40 Любовь короля. Том 2 / Ким Ирён ; [перевод с корейского А. Кисляк]. — Москва : Эксмо, 2025. — 400 с.

ISBN 978-5-04-211063-4

Два месяца назад Мусок собирался взять дочь Ённин-бэка в заложники, но план с треском провалился. Теперь жизнь самого Мусока была в опасности. Ему едва удалось сбежать вместе с Пиён, и он вынужден скрываться от преследователей.

По слухам, Ённин-бэк мертв, а его дочь Сан находится под защитой во дворце. Семья вана вступилась за нее из-за большого наследства, которое она получила от отца.

Лин решает отказаться от совместного будущего с Сан, но не от любви к ней. Если она никогда не выйдет замуж, то и он не женится вовсе.

К несчастью, Лин – не единственный, кто все еще влюблен в прекрасную Сан. Наследный принц не может так просто о ней забыть, и он не готов простить лучшего друга за предательство.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

© Кисляк А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211063-4

У МОГИЛЫ

Порой поднимался сильный ветер, взметалась пыль. Клубясь на дороге, песчинки разносились по сторонам, где раскинулся густой лес; там они и повстречали путников на своем пути. Те шли, не говоря друг другу ни слова. Взгляни на них кто украдкой — все покажется необычным: тропинка рядом, а идут через лес. Впереди шел юноша, он был высок и широкоплеч, а облик его навевал страх; девушка, что следовала за ним, напротив, была низка и худощава, будто ребенок. Но в том, как они посильнее надвинули шляпы панкат¹ и закрыли тканью лица от шеи до самого носа, эти двое походили друг на друга.

Высокие деревья радушно защищали их, но порой налетевшие пылинки попадали в глаза и забивались в ноздри — приходилось тяжело. Девушка, шедшая позади, вдруг расчихалась и стала тереть глаза. Даже не видя, куда идет, она не замедлила шага и врезалась шляпой прямо в грудь своему спутнику — тот как раз обернулся к ней.

— Ты в порядке? — спросил Мусок², придерживая Пиён, продолжавшую чихать пошатываясь. Он приподнял ее

¹ Панкат — широкополая бамбуковая шляпа, носимая в период траура (*здесь и далее — прим. пер.*).

² Имена персонажей, а также географические и иные названия здесь и ниже приведены в соответствии с книгой «Влюбленный король. Том 1» (*пер. Л. А. Михэеску*).

панкаты и осмотрел потемневшее лицо девушки: кожа под глазами, где она ее терла, была покрыта слезами и пылью. Пиён всхлипнула и стыдливо улыбнулась.

— Да, пустяки.

— Пройдем еще немного, и сможешь отдохнуть.

Мусок снова надел на нее шляпу, развернулся и размашисто зашагал вперед. Пиён последовала за ним — глаза и нос стали болеть чуть меньше. Одно уже стало ей привычно: он ведет, она — следует. С тех пор как покинули дом Ёньин-бэка, минуло несколько месяцев, и все это время так они и бродили без особой цели.

Пиён и представить не могла, что такое путешествие станет возможным, пока не отправилась помолиться в буддийский монастырь. Она, конечно, ожидала, что перво-наперво они отправятся в «безопасное место», но Мусок повел ее к безлюдной лесной тропе и пристанищу, где не потребовалось бы называть ни имена, ни титулы. Бывало, они до самой ночи оставались в горах, а порой за весь день не ели ничего, кроме шарика риса или горсточку ттоков. Но как бы Пиён ни обессилела, в буддийских монастырях они не останавливались. Не из-за денег. У нее были драгоценности Сан, которые она должна была передать своей госпоже, у него — немного серебра. Девушка понимала: дело не в тратах на еду и ночлег, а в том, что Мусок опасается преследований. Но от кого? Кто стал бы идти за ним по пятам? Ответа у нее не было.

Захворавший Ёньин-бэк так и не встал на ноги, и состояние его быстро ухудшалось, а няня с Кухёном, которым было известно, кто такая Пиён на самом деле, ничего не знали о произошедшем. Они с Мусоком сумели сбежать, и теперь им оставалось лишь отправиться в «безопасное место», но так просто странствие не закончилось. Иногда он оставлял ее в какой-нибудь ночлежке и уходил куда-то. С каждым его уходом лицо ее темнело все больше, но юноша ни разу и не попытался ее ободрить.

Однажды, уже не в силах терпеть, Пиён спросила:

— Когда я смогу увидеть госпожу?

Прищурив левый глаз, через который проходил шрам от удара ножом, Мусок резко бросил:

— Ты с ней до конца жизни быть собираешься? Что ни день, так «госпожа», «госпожа»! Сейчас есть вещи и поважнее!

— Что ж это за вещи такие? Сами, встретившись с ней, захотели жить вместе и повели меня за собой. Не так, что ли?

— Тихо! Не время брюзжать. Сейчас для нас — вопрос жизни и смерти, — в раздражении уставился он на распорившуюся Пиён.

Сьежившись от страха, она отвернулась и стала тихонько браниться себе под нос. На дрожащих ногах отошла в угол комнаты и села, сжавшись в комочек; ей было жутко и боязно. Как бы Пиён ни хотелось верить, что у Мусока были на все свои причины, ей было нелегко принять, что он, ласковый и внушавший доверие, вдруг стал таким жестоким. Что ждет ее впереди? Кто следует за ними по этому неизведанному пути? Когда на глаза у опечаленной Пиён навернулись густые слезы, Мусок цокнул в неодобрении. Сперва оставив ее плакать в одиночестве, через некоторое время он все же подошел к ней и обнял за подрагивающие плечи.

— Извини, что напугал. Я обязательно отведу тебя к госпоже. Но сейчас ты должна меня слушаться. Ни о чем не спрашивай. Я расскажу обо всем потом.

Прижавшись к груди вновь ласкового Мусока, Пиён заплакала лишь сильнее. Растерявшись, он крепко прижал ее к себе, огладил по голове, прикоснулся губами к ее волосам и тогда, почувствовав исходивший от нее жар, снял с девушки одежды. Будто пытаясь позабыть тревогу и гнев, окутавшие его сердце, он возжелал ее стройное тело. Мусок грубо сжал Пиён в объятиях — в ту секунду у него не было никого, кроме нее. С тех пор она никогда не задавала вопросов первой.

Тропинка, круто поднимавшаяся вверх, вдруг оборвалась, а густые деревья перекрыли дальнейший путь, но Мусок лишь ускорил шаг. Его сердце колотилось в страхе. Два месяца назад план взять дочь Ёнъин-бэка в заложники и угрожать «ему» провалился; теперь опасность угрожала самому юноше. Мусоку едва удалось сбежать вместе с Пиён, а судьбы Ю Сим, Сонхвы и остальных были неизвестны, и теперь он вынужден изо всех сил скрываться и переходить с места на место, не зная, откуда ждать «его» преследователей. Нестерпимо хотелось отправиться в укрытие Ю Сима, но это пришлось отложить до тех пор, пока место не будет признано безопасным; так они и оказались здесь.

Судя по слухам, которые временами разносились то тут, то там, Ёнъин-бэк был мертв, а его дочь ван поселил в Хё-нэтхэчху — Дворце добродетельной любви. Семья вана, говорят, вступилась за нее из-за большого наследства, что та получила от отца. Дочь Ёнъин-бэка была жива, но как там командир, как его жена, как остальные? Чем больше Мусок тревожился об этом, тем шире становился его шаг. Но там, где их встретил густой лес, он замер, подобно каменной статуе Будды, не в силах пошевелиться.

Невысокие холмы устроились в ряд. Странная картина: земляные насыпи, в которых любой узнал бы гробницы, уже покрылись сорняками, а позади — сгоревшая лачуга, превратившаяся в развалины. Скверная атмосфера. Мусок подошел к гробницам. Он, конечно, не ожидал найти *ее* живой, но, пока не увидел все своими глазами, у него оставались крупницы надежды. Теперь же его чаяния сбежать как-нибудь и хоть где-нибудь отдохнуть оказались безжалостно разбиты. Вдруг опустившись на колени перед могилой кого-то неизвестного, Мусок грубо выдернул из земли застрявшую там заколку пинё. Сквозь его стиснутые зубы вырвался неясный крик.

— Мы... где? — подойдя поближе, тихонько, будто комар жужжал, спросила Пиён. При виде множества могил и Му-

сока, стоявшего на коленях, тучи, накрывшие ее душу, стали еще чернее. — Мы... в том «безопасном месте», о котором ты говорил? Здесь была госпожа?

Мусок лишь снова и снова издавал звериные стоны. Они прозвучали ответом на вопрос Пиён. Не выдержав дрожи в ногах, она рухнула наземь.

— Госпожа! Госпожа... Из-за меня госпожа... — пробормотала Пиён. Подбородок ее трясся, а сама она напоминала человека, чья душа покинула тело. Подумав о том, что охладевшее тело ее хозяйки лежит в одном из этих неприметных курганов, коим минуло уже лет сорок, девушка тут же разрыдалась. От тоски по ушедшей хозяйке, что была ей подругой, от огорчения, что Мусок изменился отчего-то, от тревоги за свое будущее, неясное и полное опасностей, ее горький плач становился все громче. Еще долго ее рыдания и звериные стоны Мусока, сливаясь, заполняли собой когда-то пустынное и умиротворенное укрытие Ю Сима.

Вдруг Мусок понял: раз могилу вырыли, кому-то удалось остаться в живых. Если бы «он» вырезал здесь всех, уж точно не стал бы великодушно рыть могилу каждому. Тот, кто устроил все эти курганы и оставил подле них что-то в знак подношения, был одним из его товарищей. Выжила не только дочь Ёнъин-бэка, уцелели и другие; они-то и похоронили погибших, а затем ушли отсюда. Мусок резко встал. Подхватил плакавшую подле него Пиён и поставил ее на ноги.

— Оставь! Оставь это, — крепко схватив дрожащую девушку, попытался успокоить ее он. — Твоя госпожа не умерла. Успокойся.

Это походило на ложь, но Пиён тут же перестала плакать.

— Так госпожа жива? Но тогда... чьи это могилы?

— Могилы... моей семьи.

Мусок сжал заколку в руке. Глаза Пиён расшились. Она и не думала, что у него была семья. У нее самой никого

не было, вот ей и казалось естественным, что и у него нет родни.

— У вас так много семейных могил! Вы, наверное, были близки, как настоящая семья.

Хотя Пиён не пролила ни слезинки, ее сердце разрывалось при виде его покрасневших глаз. Мусок же говорил сдержанно.

— Твоя госпожа вернулась домой.

— Домой? Когда?

— Должно быть, как только мы пустились в путь.

— Что? Почему же вы не сказали мне раньше? Тогда ведь не было смысла бродить все это время!

— Ты не сможешь вернуться к ней.

— Что... это значит? С какой стати?

— Ёньин-бэк мертв.

— ...

— Кухён каждый день подсыпал ему яд в еду. Именно поэтому в тот день, когда я увел госпожу, при виде тебя у него случился приступ. Кое-кто вынудил нас с Кухёном и ключником Пэ подстроить все это, чтобы заполучить состояние Ёньин-бэка. Но он расквитался с моей семьей, укрывавшей госпожу, а теперь собирается убить и нас с тобой. Госпожа вырвалась из этого ужаса и вернулась домой, а мы с тобой в бегах. Она считает и тебя причастной к этому заговору.

Веки Пиён еле заметно дрогнули. Как она ни старалась понять слова Мусока, у нее не получалось.

— ...А как же няня?

— Ее убил Кухён. Чтобы увести госпожу было легче. И чтобы после смерти Ёньин-бэка она не встала на пути ни у Пэ, ни у нас.

— А сам Кухён?

— Его убил я. У меня были свои планы.

— А ключник Пэ?

— Наверное, остался с «тем человеком». А может, тоже мертв.

— Так вы говорите, что госпожа верит, будто я участвовала в заговоре? Помогла избавиться от господина, чтобы заполучить его имущество?

— Да.

— Вы... вы ради этого и явились?

— ...Да.

— Использовали меня, чтобы увести госпожу и убить ее? — спросила Пиён, и голос ее истончился настолько, что вопрос прозвучал сродни визгу. Мусок держал рот на замке. Его молчание было знаком согласия. — Да как... да как вы!..

Она набросилась на него и стала колотить в грудь своими маленькими кулачками. Мусок неподвижно стоял, принимая все удары, а когда Пиён пошатнулась в изнеможении, подхватил ее.

— Отпустите!

Придерживая кричащую девушку одной рукой, он стоял неподвижно.

— Если есть место, куда ты желаешь отправиться, я отведу тебя туда.

Слезы покатались у нее из глаз. Что ей ответить ему? Куда она хочет идти теперь, когда ее ноге не ступить нигде в целом свете? Вот где Пиён оказалась, следуя за Мусоком. Ее полные неприязни глаза вновь затянуло слезами.

— А если такого места нет на примете, давай просто прямо сейчас вместе отправимся дальше в путь, — предложил он.

Пиён, прежде пытавшаяся вырваться у него из рук, замерла. Ее взгляд бездумно бегал по лицу Мусока, а тело сотрясалось в самоуничижительном смехе.

— До сих пор вы... использовали меня, а теперь зовете в путь... Почему? Почему вы хотите идти со мной? — вздрогнула Пиён. Их взгляды встретились. У нее глаза на мокром месте, его — скрывают страх. — Нет, я не могу.

— ...Почему?

— Сама не знаю.

Мусок опустил руку, которой удерживал Пиён, и отвернулся, скрываясь от ее взгляда.

— Тебе решать, пойдём ли мы дальше вместе.

— Куда вы отправитесь?

— Некоторые из наших ещё живы. Я должен отыскать их и найти того, кто убил мою семью. Я его на куски порву. Мне неизвестно, кто он, где он, но я разужнаю это и обязательно ему отомщу. Поэтому, даже если ты последуешь за мной, спокойной и веселой жизни не будет. Твоя безопасность окажется под угрозой.

— Вы хоть раз были со мной честны?

Что за странные вопросы? Мусок повернулся к ней в замешательстве. Крохотное веснушчатое лицо Пиён лучилось искренностью.

— Или все это было лишь из желания воспользоваться мной? Тогда, в моей комнате, и ночами в бегах — ни разу вами не правили чувства ко мне?

Мусок сглотнул. На фоне стоявшей тишины звук этот показался необычно громким.

— Не... совсем, — тяжело вздохнул он.

Пиён горестно всхлипнула и пошатнулась, словно вот-вот рухнет. Мусок подхватил ее на руки.

— Возьмите меня с собой!

Крохотная, она уткнулась ему в грудь, и юноша сжал ее в своих объятиях. На лице его отразилось смятение.

— Послушай. Путь будет непростым. Уходя, я рискую своей жизнью. Если только захочешь, я приложу все силы, чтобы помочь тебе обустроиться на новом месте — где угодно, когда угодно.

— Давайте просто спрячемся где-нибудь и заживем вместе. Оставьте мысли о мести — есть лишь мы. Я буду усердно работать. Я умею прясть *пэкчо*¹ и хорошо шью одежду. Скитания по свету мне тоже по душе. Давайте забудем

¹ Пэкчо — белая ткань, которую, как гласят исторические источники, в годы правления династии Корё носили все — от вана до простоллюдинов.

обо всем, что было до, отринем наше прошлое и заживем — тихо.

— ...Не могу, — мягко оттолкнул он ее от своей груди. — Прости. Я должен отомстить, обязан.

— Почему? Вы ведь можете погибнуть задолго до, и тогда я...

— Тогда давай отправимся в путь вместе, а как найдется подходящее место, останешься там. Умений, что ты упомянула, хватит для жизни.

— Но мечь не вернет вам погибшую семью!

— Здесь похоронена моя жена.

Пиён в изумлении отпрянула от него. Рука ее ослабело соскользнула с него. Мусок взглянул на окровавленную заколку в своей руке, и лицо его наполнилось страданием.

— Это мой первый и последний подарок ей. Мы долго были вместе, но я так ни разу не преподнес ей ничего. Взять ее в жены было сложно — я любил ее, будто младшую сестру. Даже став ей супругом, я редко прижимал ее к себе. И понимал к тому же: мне поручено отправиться в дома Ёнбин-бэка и соблазнить тебя. А ей не сказал ни слова... Она умерла в обиде на меня и одиночестве. Не могу я позабыть обо всем и мирно зажить с тобой, пока ее холодное тело покоится в земле. И даже если мне придется заплатить за это своей жизнью, я обязан искупить пред ней свои грехи. И потому я не могу отказаться от мести.

— Ох.

Пиён вновь заплакала. Она плакала и плакала, пока не выбилась из сил настолько, что даже лить слезы больше не могла. Но стоило Мусоку извиниться бесцветным голосом, потеряла всякую надежду и заплакала вновь.

Когда они прибыли к ночлежке, что стояла особняком, и заселились в снятую комнату, стояла глубокая ночь. Хотя помещение было общим, они взяли два одеяла и устроились по отдельности. Пиён легла спиной к Мусоку, и сле-

зы вновь покатались у нее из глаз. Подушка намокла. До сих пор не иссыкли ее слезы! И даже плача, она пыталась сдержать свой смех. Она плакала по себе, по Мусоку, по его почившей супруге. Плакала по своей госпоже — никогда они больше не встретятся. А смеялась в бессилии. Грустный смех раздирал ее от ненависти: к себе — за то, что так легко влюбилась, к нему — за то, как прижимал ее к себе, хотя был в браке, к его жене — за то, что та и после смерти не отпустила Мусока. Пиён смеялась, плакала и ворочалась в постели, гоня свое неистовство прочь.

«Нельзя мне продолжать бродить с ним вот так», — думала она.

Пиён искусала губы в кровь. Не могла она и дальше быть для него обузой в пути. Но и в одиночку странствовать была не способна. Где ей было сыскать надежду и радость в странствиях без него? Он один освещал ей путь. Пусть у Мусока была супруга, пусть Пиён до сих пор было неловко, он все равно не покидал ее мысли. Ей хотелось разделить всю его боль.

Она украдкой повернулась на другой бок. Широкие очертания тела Мусока были различимы и в темноте. Пиён придвинулась поближе и, прижавшись к его одеялу, почувствовала, как он напрягся. Мусок не спал. Он сел — словно подскочил от мягкого прикосновения.

— Что ты делаешь?!

Неудивительно, что он был шокирован. Всякий раз, когда их тела сплетались друг с другом, он инициировал их близость, она — позволяла ему это. Пиён приподнялась и обняла его за шею обеими руками.

— Я последую за вами.

— Не делай этого, — решительно попросил он. Пиён опустила ему на колени и обвила его талию ногами.

— Я пойду, куда пойдете вы, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь. До тех пор, пока ваша месть не свершится. А после мы вместе заживем тихой жизнью.

— Пиён...